

УДК 174:001

Этическая составляющая в научном исследовании человека

Б. Г. Юдин

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ ЮДИН — доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института философии РАН. Область научных интересов: философия и этика науки, биоэтика.

*119992 Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5, Институт философии РАН, тел. (495)203-90-67,
E-mail byudin@yandex.ru*

Одна из примечательных особенностей современной науки состоит в том, что в ней все более заметное место занимает этическая проблематика. Дискуссии вокруг этических проблем науки имеют достаточно длительную и содержательную историю. Тем не менее, исследователям и администраторам науки в своей повседневной деятельности ранее не приходилось тратить столько внимания, времени и сил на их обсуждение. Никогда в прошлом не было и такого, чтобы научные исследования и их приложения оказывались объектом столь интенсивного и детального регулирования, не одного лишь этического, но и юридического. Сегодня принимается несметное количество нормативных актов — ведомственных, межведомственных, национальных и международных, призванных обеспечивать такое регулирование.

В настоящей статье я попытаюсь проиллюстрировать природу и характер этического регулирования на явлениях в самой науке и в области ее взаимоотношений с обществом. В статье, на примере биомедицинских исследований, будут рассматриваться изменения в социальном бытии науки, формы и нормы ее собственного устройства, т.е. взаимоотношения внутри научного сообщества. Можно надеяться, что таким путем удастся не только продвинуться в понимании истоков и причин столь острого интереса к этическим составляющим научной деятельности, но и выявить некоторые из действующих в этой сфере тенденций.

Несколько десятилетий назад многие философы и науковеды предрекали грядущее вступление науки в век биологии. Сегодня если сопоставить объемы финансирования в мировой науке различных областей знания, можно констатировать, что пророчество сбылось, и век биологии действительно наступил. При этом, правда, необходимо сделать одно существенное уточнение и говорить о веке не столько биологии, сколько *биомедицины*. Наибольшим приоритетом в обществе пользуется не биология как таковая, а биология в той мере, в какой она причастна к изучению и открытию возможностей сохранения и укрепления человеческого здоровья.

Именно современная биомедицина оказалась средоточием наиболее острых этических проблем. Разумеется, она вполне может восприниматься как один из локальных — а значит, ограниченных — разделов научного познания. Однако сегодня биомедицина, на мой взгляд, представляет собой одну из точек развития науки, в фокусе которой раньше и более рельефно проявляются многие глобальные, значимые для науки в целом тенденции.

* * *

Один из главных векторов развития науки и техники в последние десятилетия — неуклонное приближение к человеку, его потребностям, устремлениям и чаяниям. В результате происходит все более плотное «обволакивание» человека наукой, его погружение в мир, проектируемый и обустроиваемый для него наукой и техникой. Конечно, дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь «обслуживанием» человека. Наука и техника приближаются к человеку не только извне, но и в известном смысле изнутри, делая его своим производением, создавая не только для него, но и самого его [1]. В буквальном смысле это делается в некоторых современных генетических, эмбриологических и биомедицинских исследованиях, например, связанных с клонированием. Ф. Фукуяма выделяет науки о мозге, нейрофармакологию, исследования в области продления жизни и генетическую инженерию в качестве таких «путей в будущее», неконтролируемое движение по которым может в корне изменить природу человека [2].

Истоки этих сдвигов, радикально меняющих ориентиры и установки научного поиска, можно, хотя бы отчасти, обнаружить в событиях конца 1960-х годов, когда молодежь, прежде всего студенты многих западных стран, развернула мощные движения протеста, которые вылились в серьезные социальные волнения. Мишенью атак «новых левых» стали ключевые социальные институты западного буржуазного общества и его культура; в этом контексте резкой критике подвергалась и наука.

Прежде она, как правило, воспринималась в качестве силы, несущей свет разума, тесно связанной с идеалами свободного критического мышления и, следовательно, демократии. Одним из ярких выразителей такой позиции был видный социолог науки Р. Мертон [3]. Достаточно распространенной была и нейтральная оценка социальной роли науки.

Теперь же критики науки предлагают трактовку науки как силы, тесно связанной с истеблишментом, безмерно далекой от жизненных интересов простых людей и, более того, даже враждебной им, способствующей вовсе не демократическим, а, напротив, тоталитарным тенденциям, порождающей и усиливающей отчуждение и порабощение человека.

Меня здесь не будет интересовать та или иная оценка этих контркультурных и контрнаучных движений. Вместо этого представляется важным выделить среди множества порожденных ими последствий те, которые были связаны с весьма основательной и мучительной переоценкой многих широко разделяемых ценностей. Именно в этом отношении критика науки со стороны «новых левых» оказалась весьма эффек-

тивной (хотя, как это часто бывает не только в России, последующее развитие пошло вовсе не в том направлении, о котором они мечтали).

В результате сначала в США, а позже и в странах Западной Европы серьезно трансформировался спектр ожиданий, предъявляемых науке со стороны общества, а вместе с тем — и ориентиры научной политики государства. От научных исследований все больше начинают требовать практических результатов, удовлетворяющих запросам общества и потребностям человека.

Происходит переориентация финансовых потоков, направляемых на поддержку науки — вложения в физические и химические науки, в космические программы уменьшаются и все больше средств выделяется на исследования в области наук об окружающей среде и на биомедицинские исследования. Выдвигаются такие амбициозные цели, как победа к заранее заданному сроку над онкологическими или сердечно-сосудистыми заболеваниями. И хотя полного триумфа в борьбе с ними добиться не удалось, успехи в этих направлениях оказались в высшей мере впечатляющими. А по мере того как люди на собственном житейском опыте ощущали эффекты научных достижений, все более разнообразными и настойчивыми становились их запросы и вожелания, адресованные науке. Растущая практическая эффективность науки в областях, близких к повседневным нуждам и интересам рядового человека, начинает стимулировать и ускорять ее развитие.

Параллельно с этими изменениями приоритетов научно-технической политики сходная переориентация происходит и в сфере бизнеса, который стимулирует направление исследовательских интересов на создание того, что будет привлекательным именно для массового потребителя. Отрасли индустрии, которые теснее других связаны с медициной — фармацевтическая промышленность, медицинское приборостроение, биотехнологические производства — оказались в числе наиболее успешных. Таким образом, люди во все большей мере становятся потребителями знаний, технологий и продуктов, создаваемых в биомедицинских исследованиях и на соответствующих промышленных предприятиях.

Научные исследования и бизнес все более интенсивно подстегивают друг друга, непрерывно обновляя технологии, которые благодаря массивному воздействию рекламы настойчиво навязываются рядовому человеку. Тенденция коммерциализации науки подкрепляется и усиливается тенденцией «онаучивания» бизнеса, исследовательская лаборатория становится уже едва ли не обязательным подразделением сколько-нибудь успешной фирмы. Исследование в современной науке — это в подавляющем большинстве случаев вовсе не стремление построить какую-то новую оригинальную теорию, а попытка создать эффективную технологию с хорошими рыночными перспективами.

Интересно сопоставить процессы переключения приоритетов науки в область биомедицины с тем, что происходило в те же годы в области информатики и компьютерных технологий. Здесь ключевым моментом стало создание персонального компьютера, который стремительно вытеснил громоздкие и сложные в управлении ЭВМ прошлого. И опять мы видим ту же

самую тенденцию — современные технологии подходят все ближе к человеку, радикально меняя стиль его жизни, а вместе с тем и восприятие мира, формы и направления его взаимодействия с миром.

В этой связи имеет смысл обратить внимание на следующее. Если в начале и середине прошлого столетия техническая мощь человека ассоциировалась, прежде всего, с циклопическими размерами его творений, таких, как гидроэлектростанция, атомоход, шагающий экскаватор, гигантские электронно-счетные машины, то в наши дни наиболее характерные символы технического прогресса соразмерны человеку. К их числу относится и все то быстро разрастающееся многообразие информационных технологий, которые реализуются в масштабах персонального компьютера, и биомедицинские технологии, которые по определению сомасштабны человеку и которые сегодня позволяют осуществлять манипуляции с генами человека на молекулярном уровне.

Таким образом, научно-технический прогресс все более ориентируется на интересы и нужды отдельного человека, массового потребителя. Более того, сами эти интересы и нужды становятся стимулом, во многом определяющим направления и темпы научно-технического прогресса.

Такое приближение науки к нуждам человека происходит отнюдь не безболезненно — за все приходится платить. Возникает насущная потребность в проведении все новых и новых экспериментов на человеке — именно для того, чтобы выяснить, как можно улучшить условия его жизни. Сам человек, таким образом, во все большей степени становится объектом разнообразных научных исследований. И по мере разработки новых, все более тонких и эффективных средств воздействия на человека неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым он подвергается. В результате резко обостряется необходимость выявления последствий воздействия научно-технического прогресса. Следовательно, актуализируется задача защиты человека от негативных последствий прогресса науки и техники. А это — проблемы той области, которую можно обозначить как *этика науки*.

Обращаясь к теме этики науки, имеет смысл выделить два сложившихся в ней направления. Это изучение этических проблем общества и науки, или *внешняя этика науки*, и проблемы взаимодействия внутри научного сообщества — то, что можно назвать *внутренней этикой науки* [4]. Обратимся сначала к первой группе проблем, к этической оценке и регулированию практического применения новых технологий.

Еще совсем недавно, всего лишь два—три десятка лет назад, этические проблемы науки возникали только в редких, исключительных ситуациях и всякий раз касались лишь отдельных областей научного знания. Однако за последние десятилетия была масса возможностей воочию убедиться в том, что научно-технический прогресс *непрерывно* генерирует новые проблемы этического характера. Поэтому имеет смысл выявлять, анализировать, обсуждать и решать эти проблемы *на систематической основе*. А значит, научная деятельность совершенно явным образом обретает

новые стороны, связанные с морально-этической рефлексией, которая становится такой же неотъемлемой составляющей современного научного познания, как и методология.

Очевидно, что методологические проблемы в каждой области научного знания всегда имеют существенные отличия; точно так же свои специфические характеристики присущи и морально-этическим проблемам каждой из областей знания. В разделах науки, связанных с изучением человека, эти проблемы стоят острее и жестче, чем в других, более удаленных от реалий повседневного человеческого существования. Но подобно тому, как исследования по общей методологии науки представляют вполне самостоятельную область знания, есть смысл и в обсуждении этических проблем, касающихся всей науки в целом. Разумеется, общая этика науки не должна сводиться — как это, увы, порой бывает — к бессодержательному вопросу о том, является ли наука изначально благом для человечества либо, напротив, изначально злом.

Область интересов этого направления исследований определяется происходящими буквально на наших глазах кардинальными изменениями экономического, социального и политического контекста, в котором существует и развивается современная наука. В этой связи иногда говорят о необходимости пересмотра условий негласного социального контракта между наукой и обществом, суть которого можно выразить примерно таким образом. Общество обеспечивает условия для развития науки, которые включают не только финансирование и социальную поддержку исследований, но и *свободное* определение учеными тематики и направлений исследований, значимости и обоснованности получаемых результатов [5].

В свою очередь наука обеспечивает непрерывное расширение знаний об окружающем мире, причем эти знания являются всеобщим достоянием и распространяются свободно, т.е. в принципе они доступны любому члену общества.

Относительно этой нормы научного этики, которую Р. Мертон в свое время называл коммунизмом, сегодня приходится делать особенно серьезные оговорки. Все более ощутимым становится влияние коммерциализации на научную деятельность, все более отчетливые формы обретают отношения собственности, объектом которых становятся и результаты исследований. Эти быстро набирающие силу тенденции, несомненно, оказывают и будут оказывать самое глубокое воздействие не только на социальные, но и на когнитивные стороны научной деятельности; однако на нынешней стадии едва ли возможно в полной мере представить и оценить все многообразие их последствий.

Задачей науки является также подготовка научных кадров и изложение знаний в формах, доступных для практического применения при создании новых полезных продуктов и технологий.

Одним из скрытых допущений, делавших возможным этот контракт общества и науки, было представление о том, что научное знание и его практическое применение есть нечто безусловно благое и полезное в самых разных отношениях. К этому следует добавить, что научные исследования ранее были не очень обременительными для общества с точки зрения материальных затрат. Сегодня ситуация в корне измени-

лась. Стоимость подходящего ныне к завершению грандиозного международного суперпроекта «Геном человека» сопоставима со всеми предшествующими затратами человечества на научные исследования. Все чаще высказывается мнение, что не менее значительными будут и масштабы его воздействия на нашу жизнь и на наше мировосприятие, включая ценностные и моральные установки.

За последние десятилетия многие представления этого неявного контракта, были поставлены под вопрос. Стало очевидно, что отдельные научно-технические достижения способны порождать непредвиденные и весьма неприятные последствия, причем возникновение такого рода последствий является скорее правилом, чем исключением. С осознанием этого обстоятельства встал вопрос: а можно ли, и если можно, то как совладать с нежелательными последствиями?

Имеет смысл в этой связи вспомнить о так называемом «технологическом императиве», который, как порой кажется, обрел едва ли не прочность аксиомы. Согласно этому императиву все то, что становится для человечества технически возможным, непременно реализуется практически. По словам Ф. Фукуямы, «общепринятой является точка зрения, согласно которой, если бы даже мы и захотели остановить технологический прогресс, сделать это невозможно» [2]. При этом явно или неявно предполагается, что уделом людей остается лишь приспособление, насколько оно вообще достижимо, к тому, что порождают все новые и новые джины, выпускаемые учеными из пробирок.

Между тем те, кто не склонен фаталистически соглашаться с «технологическим императивом», уже достаточно давно пытаются так или иначе воздействовать на процессы принятия обществом новых технологий. Как замечает тот же Фукуяма, «идея, будто невозможно останавливать или контролировать развитие технологий, просто неверна. Фактически мы контролируем все виды технологий и многие типы исследований: люди не более свободны экспериментировать с разработкой новых средств биологической войны, чем проводить эксперименты на людях без их согласия. То, что некоторые индивиды или организации нарушают эти правила, или что есть страны, в которых эти правила не существуют, либо не соблюдаются, не отменяет необходимости выработки таких правил» [2]. Эти слова представляются достаточно актуальными на фоне появляющихся время от времени сенсационных сообщений о рождении клонированного человеческого существа.

Имеет смысл напомнить о деятельности по оценке технологий, которая развивается, пусть не всегда успешно, на протяжении последних десятилетий. Обычно она не ставит своей задачей прямой «запрет» тех или иных рискованных технологий — речь идет о том, чтобы по возможности постараться заранее предусмотреть негативные эффекты и минимизировать их.

* * *

Обсуждение этических проблем, порождаемых применением научных результатов, что мы отнесли к внешней этике науки, в общем и целом имеет достаточно длительную историю. Между тем, сама постановка вопроса о применимости этических суждений и оценок к процессам получения и практического ис-

пользования научных результатов даже и сегодня многим представляется не просто нонсенсом, но и покушением на святая святых — свободу научного поиска. В нашей науке, пережившей кошмар лысенковщины, такое вмешательство посторонних в исследовательскую деятельность воспринимается особенно болезненно.

И действительно, в современной науке все более острые формы приобретает конфликт между свободой научного поиска и необходимостью защитить достоинство, интересы и права тех, кто оказывается в роли испытуемых. Научное сообщество на протяжении целого ряда столетий отстаивало принцип свободы исследования, который приобрел очень высокий статус в иерархии ценностей не только самого сообщества, но и общества в целом. Достаточно сказать, что этот принцип нашел отражение в Конституции РФ и в конституциях некоторых других стран. Действительно, свобода исследований — это ценность, которую человечество выстрадало за многие столетия, так что будет попросту безнравственно, если человечество от нее откажется. Но, с другой стороны, вполне реальной является необходимость ограничения этой свободы исследований в интересах человека. Думается, поиск баланса между двумя этими императивами станет в последующие годы неотъемлемой стороной научно-технического развития. А это свидетельствует не только о его особой значимости, но и о том, что его ограничение всякий раз должно рассматриваться в качестве *исключения* и специально обосновываться.

В этой связи следует напомнить, что научные исследования сегодня во все больших масштабах направляются на познание возможностей человека и самых разных способов воздействия на него. Каждый такой эксперимент призван расширить наши познания о свойствах того или иного препарата, устройства, метода воздействия на человека и т.п. Необходимость его проведения бывает обусловлена потребностями развития какого-то конкретного раздела биологии или медицины или другой области знания.

Интегральная совокупность таких экспериментов дает нам некое знание о человеке. Мы можем констатировать: чем больше наука претендует на то, что она служит интересам и благу человека, тем более значительную роль в ней должны играть эксперименты с участием человека. Но участие в таких экспериментах всегда сопряжено с большим или меньшим риском для испытуемых. Таким образом, мы оказываемся в ситуации конфликта интересов: исследователя, стремящегося к получению нового знания, и испытуемого, для которого на первом месте — терапевтический эффект, скажем, излечение недуга, ради чего он и соглашается стать испытуемым. В данном случае мы отвлекаемся от так называемых нетерапевтических исследований, в ходе которых не предполагается получение блага для испытуемых. В такого рода исследованиях нормой является участие добровольцев, которые должны отчетливо представлять, какому риску они подвергаются; сам же риск должен быть достаточно невелик и существенно меньше допустимого в терапевтических исследованиях.

В Нюрнбергском кодексе 1947 г., как и в Хельсинской декларации Всемирной медицинской ассоциации 1964 г., декларируется, что эксперимент на человеке —

это вариант, на который приходится идти, как правило, в исключительных случаях, когда не существует иных возможностей для получения нового и важного знания. Отсюда бытующая среди профессионалов исполненная горькой иронии характеристика человека, выступающего в роли животного по необходимости: бывают ситуации, когда столь ценные знания нельзя получить, экспериментируя на животных, и неизбежным оказывается проведение исследования именно на человеке.

С этим же связана и другая общая черта обоих документов: эксперимент в них мыслится как нечто связанное с серьезным, весьма рискованным и даже опасным вмешательством, вторжением в организм или в психику человека. Именно этот риск физическим и психическим здоровьем, целостностью и даже жизнью испытуемого и является тем, что надлежит минимизировать и по возможности контролировать.

Между тем в самые последние годы биомедицинские исследования все чаще рассматриваются *не только с точки зрения риска, но и с точки зрения блага*, которое они могут принести испытуемому. Обычно в качестве блага выступает терапевтический эффект от нового лекарственного средства, либо метода лечения. Важно подчеркнуть, что общепринятой нормой стало этическое сопровождение *всех* исследований такого рода. В современной научной практике уже действуют достаточно разработанные механизмы этического контроля исследований.

В биомедицинских исследованиях существует два основных механизма такого регулирования. Это, во-первых, процедура информированного согласия испытуемого. Так, в статье 43 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» отмечается: «Любое биомедицинское исследование с привлечением человека в качестве объекта может проводиться только после получения письменного согласия гражданина. Гражданин не может быть принужден к участию в биомедицинском исследовании» [6]. Во-вторых, в современной практике проведения биомедицинских исследований принято, что *каждый* исследовательский проект может осуществляться только после того, как заявка будет одобрена независимым *этическим комитетом*.

Такие структуры этического контроля, первоначально осуществлявшегося исключительно коллегами, впервые возникли в 50-х гг. XX века в США, а в 1966 г. официальные власти делают проведение этической экспертизы обязательным для всех биомедицинских исследований, которые финансируются из федерального бюджета. Вскоре после этого экспертиза начинает распространяться также и на исследования, финансируемые из других источников. Оказалось, что фармацевтическая компания при испытании нового лекарственного средства заинтересована в том, чтобы проект испытания получил одобрение этического комитета. Ведь это будет способствовать укреплению авторитета фирмы и улучшению рыночных перспектив препарата.

Характерно, что в США обязательной этической экспертизе подлежат не только биомедицинские исследования, но и психологические, антропологические и т.п., коль скоро они проводятся на человеке, а также исследования на животных. В 1967 г. этические коми-

теты начинают создаваться при больницах и исследовательских учреждениях Великобритании, причем первоначально инициатива исходит «снизу», от самих медиков [7].

Важно заметить, что все процедуры и регламенты этического контроля исследований обеспечивают защиту не только испытуемых, но и самих же исследователей, поскольку позволяют им существенно ослабить бремя ответственности — очень часто не только моральной, но и юридической. Ведь если где-то в протоколах есть запись о том, что испытуемые были предупреждены о возможном риске или негативных последствиях, то при наступлении таких последствий к исследователю будет трудно предъявить претензии. По мере осознания этой защитной роли экспертизы само научное сообщество начинает относиться к ней — несмотря на дополнительные затраты времени и энергии — все более терпимо и даже благосклонно.

С расширением практики биомедицинских исследований совершенствовалась и усложнялась деятельность этических комитетов. Ныне вопросы их структуры, функций, статуса, состава, полномочий, а также регулярной проверки их деятельности и даже проверки самих проверяющих и т.п., разработаны до мельчайших деталей.

Мы можем констатировать, что тесное, непосредственное воздействие этических норм на научное познание является сегодня не просто прекраснотушным пожеланием, но повседневной реальностью, с которой приходится иметь дело множеству людей. Эту ситуацию, впрочем, никоим образом не стоит идеализировать. Сама непрерывная эволюция практики этического регулирования обусловлена тем, что эта практика порождает множество проблем, таких, как противоречие между независимостью и компетентностью членов этического комитета, нередкий формализм в проведении экспертизы и т.п.

* * *

Существует и другая сторона вопроса. Сама *обязательность этической экспертизы* влечет за собой принципиально важное для научно-познавательной деятельности следствие. Квинтэссенцией научной деятельности является именно исследование, но при проведении биомедицинского исследования, его планировании и даже при выработке общей идеи, исследователь должен иметь в виду, что он может реализовать не всякий замысел, даже безупречный в теоретическом, техническом и методологическом отношениях.

Конечно, вовсе не обязательно, чтобы исследователь в явной форме осознавал эту этическую нагруженность своего замысла. В той мере, в какой практика этической экспертизы становится обыденной, эти представления об *этической реализуемости* начинают переходить в ранг своего рода априорных посылок мышления и деятельности исследователя. Ему ведь изначально ясно, что шанс осуществиться будет только у такого проекта, который сможет получить одобрение этического комитета. Но это значит, что требования этики оказываются в числе действенных предпосылок научного познания, что связь между этикой и наукой не только возможна, но и вполне реальна.

Поскольку *каждое* исследование должно пройти этическую экспертизу, оказывается, что требование

его этической приемлемости должно быть *предпослано* исследовательскому проекту. Этические соображения оказываются положенными в основание исследования. О них уже нельзя говорить как о чем-то привходящем, налагаемом извне на свободный поток научной мысли.

Описанные механизмы этического контроля находят ныне применение даже и в таких исследованиях, которые проводятся без непосредственного воздействия на испытуемого (так что, строго говоря, его и нельзя называть испытуемым). Скажем, если для так называемого эпидемиологического исследования необходимы данные о состоянии здоровья, генетических, биохимических и т.п. характеристиках тех или иных групп населения, то и здесь перед проведением исследования необходимы и процедура информированного согласия, и независимая этическая экспертиза. Это же относится и к тем случаям, когда исследуется тот или иной биологический материал (скажем, фрагмент ткани), извлеченный у человека. Природа риска в таких исследованиях совсем другая — речь идет не о защите жизни и здоровья участников исследований, а о том вреде, который может быть нанесен им из-за несанкционированного доступа к весьма чувствительной информации частного характера.

Биомедицинские исследования и этическое регулирование неуклонно проникают в область воздействий, которые вовсе не имеют целью улучшить здоровье человека. В ходе научно-технического прогресса непрерывно создаются все новые материалы, окружающие нас в быту, новые приборы и устройства, предметы одежды, продукты питания, средства косметики и многое другое. В принципе, каждый такой предмет, прежде чем он будет допущен на потребительский рынок, должен быть проверен на безопасность с токсикологической, экологической и прочих точек зрения. Наиболее яркий пример — получение генетически модифицированных пищевых продуктов. Критики высказывают опасения по поводу того, что их употребление может привести к непредсказуемым последствиям для генома человека.

Каждая подобная проверка предполагает проведение испытаний на добровольцах с соблюдением норм и правил этического контроля. Имеет смысл при этом отметить, что непрерывное обновление всего этого многообразия предметов, а значит, организация все новых исследований, является непреложным законом жизни современного предпринимательства. Таким образом, все большая масса того, что делается в науке, технике, бизнесе, вовлекается в орбиту этического регулирования.

В целом же можно констатировать, что не только практика проведения биомедицинских исследований, но и практика этической экспертизы обрели сегодня черты, характерные для индустриального производства. Оказывается, что этика здесь выступает не только в столь привычной регулятивной, но также и в сугубо инструментальной роли. Вместе с тем на этическую экспертизу ложатся и конститутивные функции, поскольку в исследовательской практике быстро и неуклонно возрастает число ситуаций, когда этические соображения необходимо учитывать для того, чтобы можно было выдвинуть и сформулировать *потенциально* реализуемый исследовательский проект.

Главная задача этического регулирования научных исследований — по возможности оградить человека от

сопряженного с ними риска. Именно с этой целью и создаются соответствующие структуры и механизмы. Речь идет не о благих пожеланиях или отвлеченных умствованиях абстрактных моралистов, а о повседневной научной практике. Сегодня ни одно биомедицинское исследование, которое проводится на человеке, не может быть начато, если оно не прошло этической экспертизы, не получило одобрения независимого этического комитета.

Что же такое этический комитет? Это — структура, включающая специалистов в той области, в которой проводятся исследования, причем они не должны иметь общих интересов с той командой, которая проводит исследования. Наряду с ними в состав комитета входят представители младшего медицинского персонала, а также посторонние люди — те, кого у нас раньше было принято называть представителями общественности. А это — совершенно новый для науки и весьма интересный момент: то, что предстоит делать исследователям, должно оцениваться не только специалистами, но и людьми без научной квалификации.

Здесь можно вспомнить популярный советский фильм времен оттепели «Иду на грозу». В одном из его эпизодов на собрании обсуждается животрепещущая научная проблема. Среди членов президиума, то есть тех, кому надлежит принимать решение, мы видим дородную даму со множеством орденов и медалей на груди, знатную доярку или что-то в этом роде. Естественно, авторы фильма в этом эпизоде издевались над недавним прошлым, для которого характерно было грубое, некомпетентное вмешательство в науку.

Но вот сегодня — на новом витке развития — оказывается, что для этического обоснования исследования с участием человека, необходим такой вот посторонний, некомпетентный — «человек с улицы». Коль скоро участие испытуемого сопряжено с риском, важно, чтобы цель такого исследования, обстоятельства его проведения были понятны не только специалистам, но и тем «простым смертным», в интересах которых, собственно говоря, и предпринимается исследование. Риск должен быть оправданным как в глазах исследователя-специалиста, так и в глазах рядового человека, который, вообще говоря, будет воспринимать и пользу, и опасности эксперимента существенно иначе, чем профессионал.

Необходимо подчеркнуть такое обстоятельство. Коль скоро соучастие не профессионалов в качестве испытуемых, и в качестве экспертов становится обязательным при проведении исследований, есть основания говорить о том, что какая-то внешняя по отношению к науке сила начинает участвовать в определении тематики проводимых исследований.

Итак, мы можем сделать вывод, что реальная практика этической экспертизы исследований свидетельствует о неправомерности противопоставления собственно научного поиска, который якобы не подлежит этическим оценкам, и возможных приложений его результатов, которые будто бы только и могут оцениваться с этической точки зрения. Оказывается, что и научный поиск вполне может, а во многих случаях и должен руководствоваться какими-то этическими оценками. Более того, здесь уже есть весьма тщательно отработанные технологии, сложившиеся в сфере биомедицинских исследований.

* * *

Итак, сегодня и в идеологии, и в практике экспериментирования на человеке начинается новый период. Отныне эксперименты на человеке уже не следует воспринимать как нечто чрезвычайное, к чему приходится прибегать только в крайних случаях. Напротив, к ним надлежит относиться как к решающей, критической части нынешнего и будущего прогресса биомедицины.

Отсюда проистекает и становится все более заметной тенденция к смягчению этических и юридических норм экспериментирования на человеке. Она обнаруживается уже при сопоставлении Нюрнбергского кодекса 1947 г. и начального (1964 г.) варианта Хельсинской декларации. Если первый позволял привлекать к участию в экспериментах только тех, кто самостоятельно может дать добровольное согласие, то Хельсинская декларация допускала — при определенных условиях — так называемое суррогатное согласие, позволяющее проводить исследования на детях, психически больных пациентах и т.п.

Сегодняшняя практика пошла намного дальше — в частности, одной из задач этической экспертизы биомедицинских исследований является проверка эффективности участия в них (а, следовательно, получения связанных с этим выгод) представителей так называемых уязвимых групп населения. Иными словами, возникает необходимость обеспечить им справедливый доступ к таким проистекающим из участия в исследовании преимуществам, как бесплатное получение новых (и предположительно более эффективных, чем существующие) средств диагностики или терапии. Вообще сегодня многие исследователи склонны ставить на первое место не риск, которому подвергается испытуемый, а именно те блага, которые ему может принести участие в исследовании.

Смягчение этических стандартов экспериментирования на человеке обнаруживается и на уровне языка, на котором ведется разговор об этих материях. Так, некоторые предпочитают говорить не об экспериментах на человеке, а об исследованиях с участием человека. В данном тексте мы намеренно используем эти обороты как синонимы. Между тем, особую проблему (и одновременно определенные манипулятивно-риторические возможности) создают очевидные ценностные различия между ними. Два последних представляются более нейтральными, с меньшей негативной ценностной нагрузкой, чем первый. Аналогичные ценностные (и эмоциональные) различия можно обнаружить и между выражениями «эксперимент с человеком», «эксперимент на человеке» и «эксперимент с участием человека».

Наряду с этим понятие биомедицинских исследований начинает трактоваться более широко, включая многое из того, что только косвенно может быть сопоставлено с лечебными целями медицины. В этой связи можно упомянуть, в частности, об исследованиях евгенической или косметической направленности (например, ориентированных на улучшение внешности). Перспективы и опасности новой евгеники (иногда ее называют «приватной», либеральной) привлекают в последнее время все большее внимание. Задачи «улучшения человеческой породы» в ней ставятся и решаются не путем принуждения, исходящего

от государственной власти, как это было, скажем, в нацистской Германии, а свободным выбором отдельной семьи [2, 8]. Далеко также не очевидно, что бесплодие можно считать болезнью, и что действительно медицинскими надлежит считать исследования в области лечения бесплодия. То или иное решение здесь во многом диктуется культурными нормами.

Мы видим, таким образом, что и область применения, и содержание таких понятий, как биомедицинское исследование и эксперимент, чрезвычайно расширяются. Общество сегодня обладает в буквальном смысле индустрией таких исследований и экспериментов. Очень и очень многие современные практики критически зависят от экспериментов на человеке, эти эксперименты «встроены» в них. И если нынешние тенденции будут действовать и дальше, все большее число людей будет вовлекаться в различного рода эксперименты, а значит, потребуется все больше норм и регулятивов.

* * *

Современная биомедицина непрестанно расширяет технологические возможности контроля и вмешательства в естественные процессы зарождения, протекания и окончания человеческой жизни. Стало повседневной реальностью применение различных методов искусственной репродукции человека, замена износившихся или поврежденных органов и тканей, нейтрализация действия вредоносных или замещение поврежденных генов, продление жизни, воздействие на процесс умирания и многое другое.

Во всех подобных случаях мы сталкиваемся с пограничными ситуациями, когда трудно сказать, имеем ли мы дело уже (или еще) с живым человеческим существом или только с агрегатом клеток, тканей и органов. Однако пределы нашего вмешательства в жизненные процессы и функции определяются не только расширяющимися научно-техническими возможностями, но и нашими представлениями о том, что есть человек, какие действия и процедуры по от-

ношению к нему допустимы, а какие — неприемлемы. Обсуждая и устанавливая эти пределы, мы, люди, не одними лишь словесными формулировками, но собственными решениями и действиями даем определение и себе, как допускающих (или не допускающих) те или иные вмешательства в жизнь человеческого существа. И в этом смысле нынешние дискуссии об этике биомедицинских исследований и технологий можно было бы назвать мысленным экспериментом на человеке.

А отсюда следует, что в ходе развития современной биомедицины (в ней эти тенденции всего лишь находят особенно отчетливое выражение) нам приходится снова и снова определять, что же есть человек. Отсюда следует также и то, что едва ли стоит ждать высокого авторитета, который провозгласит всех устраивающее определение человека. Напротив, это определение вырабатываем мы сами, принимая те или иные решения и осуществляя те ли иные действия, иначе говоря, планируя и проводя различного рода эксперименты.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 06-06-00170.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тищенко П.Д.* Биовласть в эпоху биотехнологий. М., 2001.
2. *Fukujama F.* Our Postmodern Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. N-Y.: Farrar, Strauss and Giroux, 2002.
3. *Merton R.K.* Sociology of science: Theoretical and empirical investigations. Chicago. L.: Wiley, 1973.
4. *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки: проблемы и дискуссии. М.: Политиздат, 1986.
5. *Price Don K.* In: Limits of Scientific Inquiry. Eds. G. Holton, R.S. Morris. N.Y.—L., 1979, p. 75—92.
6. Введение в биоэтику. М.: Прогресс-традиция, 1998, с. 183—196.
7. *Crawley, Francis P.* Int. Rev. of Bioethics, 1999, v. 10, № 5, p. 25—33.
8. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002.

ABSTRACTS

Globalization processes in modern Russian science. A. V. Yurevich, I. P. Tsapenko. Ross. Khim. Zhurn. (Zhurn. Ross. Khim. ob-va im. D.I.Mendeleeva), 2007, v. LI, № 3.

The article is devoted to the systematization and description of the main globalization processes in Russian science. It deals with the characterization of migration processes in Russian science and international cooperation of Russian scientists, based among other on the usage of modern ICTs. The article describes the changes in Russian science, connected with globalization process and determines the main features of internal globalization of domestic science.

Russian scientific diaspora as a component of a domestic science on a boundary XX—XXI centuries. A. G. Allahverdyan. Ross. Khim. Zhurn. (Zhurn. Ross. Khim. ob-va im. D.I.Mendeleeva), 2007, v. LI, № 3.

During the post-Soviet period, with the increase of migration Russian scientists abroad is generated a so-called scientific diaspora, with many thousands of skilled professionals in the various fields of science and technology. While Russian citizenship, they are successfully working in universities and high-tech companies around the world. Not focusing on the solving their own professional problems they aspire to establish scientific contacts with a «mother» science in a various forms. Many of them consider that it is time to build bridges between two camps of the Russian science - its «brains» and the scientific community in Russia. Success in adjustment of a stable, mutually advantageous cooperation with the diaspora depends to a large extent on the power Russia. Home-patiently seek understanding on both sides, to do so consistently and continuously.